

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 93/94(470.6)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-1-12-36

**КОГДА ПОЛИТИКОЙ ПРАВИТ КУЛЬТУРА: К ОСОБЕННОСТЯМ
ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЫТИЯ КАВКАЗСКИХ
ЭТНОСОВ****Х.Г. ТХАГАПСОВ**

*ФГБОУ ВО Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.
E-mail: gapsara@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей постсоветской трансформации социально-культурного и политического бытия в кавказских республиках. Подчеркивается, что эти особенности не поддаются объяснению на основе теории демократического транзита. Показано, что постсоветские процессы в кавказском регионе детерминированы не только логикой и содержанием российских либеральных реформ, но и обширным набором специфических факторов этнокультурного порядка, в ряду которых особое место занимают историческая память, традиционные формы и механизмы самоорганизации и социокультурной коммуникации кавказских этносов. Выделены основные этапы постсоветской трансформации на Северном Кавказе, охарактеризованы их содержания. Утверждается, что в кавказских республиках на различных этапах постсоветской трансформации менялся и тип востребованного политического лидера. Выявлен и описан такой необычный феномен постсоветских процессов как «власть отвергнутых лидеров». Особое внимание уделено роли гендерного фактора в процессах постсоветской трансформации на Кавказе. Утверждается, что эти трансформационные процессы в кавказском регионе сопровождались «гендерной инверсией» и распространением мужского алкоголизма. Анализируются особенности современной культурной и политической жизни в кавказских этнических республиках и тенденции их развития.

Ключевые слова: политика; культура; кавказские этносы; социальная трансформация; факторы детерминации трансформационных процессов; гендерное бытие; этатизм.

**WHEN POLITICS IS RULED BY CULTURE: ON THE PECULIARITIES OF
THE POST-SOVIET TRANSFORMATION OF THE CAUCASIAN ETHNIC
COMMUNITIES' MODES OF BEING****Kh.G. TKHAGAPSOEV**

*FSBEI HE Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov.
360004, Nalchik, Chernyshevsky street, 173
E-mail: gapsara@rambler.ru*

Abstract. The article presents the analysis of the peculiarities of the post-Soviet transformation of socio-cultural and political life in the Caucasian republics. It is emphasized that these features cannot be explained on the basis of the theory of democratic transition. It is shown that the post-

Soviet processes in the Caucasus region are determined not only by the logic and content of Russian liberal reforms, but also by a wide range of specific factors of the ethnocultural realm, among which a special place is occupied by historical memory, traditional forms and mechanisms of self-organization and socio-cultural communication of the Caucasian ethnic groups. The main stages of the post-Soviet transformation in the North Caucasus are defined and their contents are characterized. It is alleged that in the Caucasian republics, at the various stages of the post-Soviet transformation, the type of political leader in demand has also changed. An unusual phenomenon of the post-Soviet processes was identified and described as «the power of rejected leaders». Particular attention is paid to the role of the gender factor in the processes of post-Soviet transformation in the Caucasus. It is alleged that these transformational processes in the Caucasus region were accompanied by «gender inversion» and the spread of male alcoholism. The features of contemporary cultural and political life in the Caucasian ethnic republics and the trends of their development are analyzed.

Key words: politics; culture; Caucasian ethnoses; social transformation; determining factors of the transformation; gender being; gender revolution; etatism.

1. К постановке вопроса

Отечественная социально-гуманитарная наука вплоть до 2000-х годов пыталась сложные и противоречивые постсоветские социально-политические и культурно-исторические процессы интерпретировать на основе западных представлений – как «демократический транзит» [Карл, Шмиттер 2004]. Но уже к 1996 г. (в «пору позднего Ельцина») стало очевидно, что невозможно выразить происходящее в России и на постсоветском пространстве на основе этой концепции- ведь демократический транзит предполагает, прежде всего, рациональную деятельность по формированию институтов и процедур демократии, демократической политической культуры и консолидации общества на ее основе, а реально происходящее на просторах бывшего СССР имело мало общего с подобным «транзитом» [Tkhaqarsoev 2006]. Не помогло и введение в дискурсивный оборот приверженцами теории транзита различных дополнительных (ad-hoc) гипотез и моделей как «дефектная демократия», «типы транзита», «типы траектории транзита», которые были призваны хоть как-то спасти ее (теории) репутацию [Красин 2003]. Особенно своеобразными (если не парадоксальными) оказались постсоветские процессы в социальном пространстве и исторических судьбах кавказских этносов. Дело в том, что кавказский мир в российских дискурсах всегда подавался и ныне подается не иначе как некий, не затронутый модернизацией (архаичный) край, обитаемый множеством едва ли не взаимно враждебных этносов [Боров, Кочесоков 2011; Боров, Муратова 2011]. Однако, если встать на подобную позицию, невозможно понять, а тем более – объяснить, почему в сложную и опасную пору распада СССР в условиях слабой ельцинской власти (в 90-х годах), когда несметное количество оружия бесконтрольно обращалось на всем постсоветском пространстве (особенно в кавказском регионе) Кавказ не стал ареной «войны всех этносов против всех этносов». Напротив, все здесь ограничилось в основном обострением давних непростых отношений армян и азербайджанцев и кратковременным осетино-ингушским конфликтом, если не считать «бунт» чеченских националистов (случившийся скорее из-за просчетов

ельцинской власти). Как такое стало возможно? Ответ (если угодно – разгадка) кроется, на наш взгляд, прежде всего в ментальных и культурных особенностях кавказского мира, которые в общем известны сами по себе, но почему-то с должной системностью не соотносятся с политической историей и политическим бытием этносов Кавказа, в том числе – с постсоветскими процессами.

Между тем, Пьер Бурдьё, который ввел в социологию политики и власти смысловой мир культуры и формы его организации (символический капитал, символическое насилие, габитус), подчеркивал, что попытки критически осмыслить свою культуру неизбежно приводят к политике, указывая на взаимную связь и взаимную детерминацию культуры, политики и власти [Бурдьё 1993].

Мы и отталкиваемся от этой мысли Бурдьё в поисках корреляций между социально-культурными и ментальными особенностями кавказских этносов (кавказского социума), с одной стороны, и особенностями постсоветских культурно-исторических и политических процессов на Кавказе – с другой. Разумеется, здесь необходимо учитывать, по возможности, и многочисленные внешние факторы, и контекстные обстоятельства, под влиянием которых разворачивались постсоветские трансформационные процессы. В частности, речь идет о глобализации мира, геополитической ситуации в 90-х годах, а также о бытующих в этом регионе формах и механизмах межэтнической и внутриэтнической коммуникации, поскольку, когда речь идет о Кавказе, акты публичной социально-культурной коммуникации порой значат гораздо больше, чем формальные политические институты и правовые механизмы, оказывая влияние на все происходящее в жизни социума [Тхагапсоев 2008: 91-99].

Круг факторов детерминации постсоветской трансформации на Кавказе далеко не исчерпывается изложенным – следует еще учесть хотя бы:

- характер расселения этносов на Кавказе;
- религиозно-конфессиональную ситуацию в кавказском регионе;
- отношение (а точнее – оценочные позиции) кавказских этносов к роли советской системы и советской эпохи в их культурно-историческом развитии.

И, наконец, особое место в жизни и поведенческих стратегиях этносов занимает такой непростой феномен, как историческая память, с чего мы и начнем анализ постсоветских процессов в регионе и их детерминаций.

2. Факторы детерминации постсоветских трансформаций бытия кавказских этносов

Топосы исторической памяти. Историческую память мы понимаем в том достаточно укорененном ныне варианте, который восходит к идеям и представлениям П. Нора [Нора 1999; Нора 2005]. Это набор передаваемых из поколения в поколение исторических преданий и мифов, т.е. субъективно преломленных нарративов о прошлом, особенно – негативного плана (жестокие войны, угнетение и несправедливости в отношении народа). Главное в данном случае заключается в том, что историческая память является формой

коллективной (социальной) памяти, которая проявляется спонтанно в повседневности, в культурных образах и стереотипах, поведенческих стратегиях, политических предпочтениях и акциях, выступая, таким образом, не только как элемент культуры, но и ресурс социальной активности.

Историческая память кавказских этносов – это сложный феномен, включающий в себя множество аспектов и компонентов (топосов) – от нартского эпоса (общего практически для всех народов Северного Кавказа) до постсоветских трансформационных процессов, несомненно, заслуживающий отдельного исследования. Однако, как показали события 90-х, в памяти кавказских этносов наиболее болезненны два топоса – «сталинская депортация народов» и «столетняя кавказская война» (18-19 вв.).

Депортация кавказских народов в 1940-х годах – их принудительное расселение в непривычных, мало пригодных для жизни территориях советской Средней Азии, и ее трагические последствия известны широко, поскольку они составляют часть жизненного опыта ныне живущих старших поколений и поскольку их осуждение стало элементом идейно-политического разрыва с советской системой на рубеже 1980-1990-х гг. На излете советской эпохи остро встал вопрос реабилитации народов, репрессированных сталинским режимом.

В отличие от этого, Кавказская война – более давнее историческое событие – не являлась элементом живой памяти. Она относилась к числу «табуированных тем» советской историографии, детали подробности которой не подлежали публичному анализу и гласной оценке, но она также не вошла в круг центральных тем идейно-политической повестки, на которой строилась легитимация современной российской государственности.

Оставив в стороне многочисленные спорные вопросы истории Кавказской войны (о причинах ее развязывания, о масштабах разрушений и бедствий, причиненных ею, особенно адыго-абхазским этносам – черкесам, адыгейцам, кабардинцам, шапсугам, абазинцам, абхазам, которые в наибольшей мере пострадали в ходе этой войны), остановимся лишь на одном аспекте – на ее демографических последствиях.

По оценкам, которые разделялись и властями царской России, численность населения адыгских этносов в начале 19 в. составляла до 1,7 млн. чел. [История... 2007]. Однако уже в начале 20 века численность адыгов на Северном Кавказе не превышала 300-400 тыс., т. е. она сократилась в ходе кавказской войны 4-5 раз (в том числе и за счет массовой депортации в Османскую империю). В столь трагичных масштабах Кавказская война сказались на демографии адыгских этносов. Естественно, что это нашло отражение и закрепление в их исторической памяти как «демографическая и геополитическая катастрофа», вызвав к жизни, к ответственности политиков и исторической науки болезненный «черкесский вопрос» [Боров 2016].

Нюансы кавказской демографии. Главный нюанс в данном случае кроется, пожалуй, в том, что на российском Кавказе в советское время сложилось диффузно-анклавное расселение аборигенных этносов и «пришлых» русских или русскоговорящих. При этом, если диффузное (перемешанное) расселение, характерное для городов, как правило обеспечивало «взаимную

адаптацию» этносов и их культур, то моноэтнические анклавные (преимущественно в сельских районах, горной местности), как показали постсоветские процессы, легко превращаются (превращались) в «центры» и «детонаторы» межэтнического конфликта по любому негативному поводу, возникающему в жизни социальной общности (бытовые коллизии, уголовное преступление, ошибки власти и управления).

В анализе политической ситуации в кавказском регионе следует учитывать также нюансы взаимоотношений кавказских народов с русским населением. Дело в том, что в обыденном сознании кавказца советская система так или иначе ассоциировалась с русским человеком («русский человек – носитель и миссионер советского порядка»), порождая и подогревая антирусские настроения в контексте той тотальной негативной переоценки прошлого, что доминировала в обществе в 90-х годах. Это обрело особенно острый характер в Чечне. Антирусской направленностью, прежде всего, отличался начальный этап «чеченских событий» 90-х годов – с вытекающими из этого последствиями. Так, если на закате советской системы (в конце 80 – начале 90-х годов 20 в.) в населении Чечено-Ингушской республики около 50% (более 500 тыс.) составляло русское население, то по данным статистики 2015 г. их меньше 1%. Форсированный исход русского населения из Чечни сам по себе характеризует остроту межэтнических противоречий и конфликтов, имевших здесь место (впрочем, заметное снижение доли русского населения за последние 20 лет характерно в той или иной мере и для всех прочих кавказских республик).

Кавказская демографическая ситуация имеет еще две особенности. Первая заключается в том, что в ходе распада СССР кавказские этносы оказались в ситуации «разделенных народов» – народов, проживающих в разных (а нередко – во враждующих) государствах. Характерный пример – осетины, часть которых (Южная Осетия) оказалась в новом постсоветском суверенном государстве Грузия. Этот пример известен широко в силу Грузино-Осетинского конфликта и его международного резонанса. Менее известны другие факты, в частности: адыгские этносы (адыгейцы, абазины, кабардинцы, черкесы) имеют продолжение родственной линии в Абхазии, дагестанские этносы – в Азербайджане, чеченский этнос – в Панкисском ущелье Грузии.

Таким образом, фактор «разделенных народов» в кавказском регионе носит «тотальный характер», выступая как один из источников политических противоречий и конфликтов в этом регионе и как один из детерминативов политического поведения этносов, населения региона [Узнародов 2017].

Религиозно-конфессиональная ситуация в регионе. Кавказский регион характеризуется не только этническим, языковым и культурным многообразием, но и многообразием верований. Хотя в целом здесь доминирует ислам, это доминирование скорее условное. Дело в том, что русское население, позиционирующее себя как православное, в кавказском регионе составляет около 30%. К тому же большая часть осетин исповедует православие, как и часть адыгских этносов (кабардинцев). Православия придерживаются также абхазы, грузины. Но главное заключается в том, что ислам на Северном Кавказе

представлен в двух, конфликтующих друг с другом течениях – умеренным суннизмом и радикалистским салафизмом. При этом, если адыгейцы, балкарцы, кабардинцы, карачаевцы, черкесы придерживаются суннизма «традиционного», т.е. несколько «адаптированного» к их собственной этно-социальной и этнокультурной традиции, то в Чечне и Дагестане определенное влияние приобрел салафизм, по сути смыкающийся с «политическим исламом» – с ваххабизмом [Бережной и др. 2002]. Таким образом, течения ислама в этом регионе конфликтуют между собой, в то время как отношения суннитского ислама с православием выстраивались еще с конца XVII века, исторически укоренились и носят в общем толерантный характер. Это обстоятельство, так или иначе, влияет на происходящее в регионе.

Особенности истории «движения» кавказских этносов в российском цивилизационном русле. Случилось так, что кавказские этносы, веками адаптировавшиеся к российской цивилизации и интегрировавшиеся в Россию на основе механизмов имперских (колониально-имперских) отношений, в начале 20 века (в 1917 г.) волею истории оказались в ситуации «негативной свободы». В этом смысле советский этап российской истории был эпохой новой интеграции (ре-интеграции) кавказских этносов в новое (советско-российское) социально-политическое и культурное пространство. Формы и механизмы этой ре-интеграции принципиально отличались от политической практики царской России. Это – тоталитарная идеология и командная экономика, с одной стороны, строительство культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию» – с другой.

Есть еще одна особенность «советской истории этносов» – произвольное обращение советской власти с границами их исторически сложившихся территорий обитания, которые постоянно перекраивались вплоть до 1960-х годов. В 90-х именно это обстоятельство аукнулось множеством мелких и крупных взаимных территориальных притязаний друг к другу едва ли ни всех кавказских этносов, что затронуло не только кавказские республики, но также Ставропольский и Краснодарский края (один из наиболее известных – осетино-ингушский конфликт). Но как бы ко всему этому ни относиться, развитие кавказских этносов в русле российской цивилизации был в общем позитивным, прогрессивным.

Дело в том, что советская система, которая делала ставку не на мобильность труда, а на его директивную организацию, «доставляла» каждому этническому сообществу по месту его обитания главные элементы индустриального общества – образование, науку, промышленные технологии, медицину, институты «социалистической культуры». В итоге этносы так и оставались на своих исторических территориях, «диффузно» включая «пришлых» (русских, русскоязычных), несших «по воле партии» эту самую индустриальную культуру «отсталым народам».

Определенное исключение в этом плане составляли разве что «отдаленные» горные поселения (аулы), менее вовлеченные в индустриализацию в силу объективных причин (природно-экологических, инфраструктурных), так и остававшиеся моноэтническими анклавами вплоть до

90-х годов. В итоге за годы советской власти, при всех ее недостатках и пороках, кавказские этносы добились серьезного прогресса в плане общего культурно-технологического развития. Неудивительно в этом контексте, что в сознании большинства кавказских этносов присутствует позитивная оценка советского периода своей истории, а в связи с этим – и приятие «русского фактора» [Карамурзов и др. 2013].

Разумеется, значимость каждого из перечисленных факторов в сознании и бытии этноса существенно различается от республики к республике, что особенно наглядно проявилось в ходе постсоветских трансформационных процессов. Так, фактор Кавказской войны оказался наиболее значимым в Адыгее и Кабардино-Балкарской республике, проблема сталинской депортации – в Карачаево-Черкесии, Чечне и Ингушетии. «Проблема исторических обид на Россию» стала едва ли ни главным детонатором чеченского бунта, повлекшего де-факто выход Чечни из состава СССР и России. Но главное в том, что при кажущейся разрозненности указанных факторов они, как свидетельствует анализ, оказывали (оказали) системное влияние на постсоветские процессы в кавказском регионе.

Существует еще один фактор социального бытия и культуры, который играет исключительно важную (порой – решающую) роль во всем происходящем здесь, это – особенности социокультурной коммуникации кавказских этносов.

3. Социокультурная коммуникация в бытии кавказских этносов

Речь идет о наиболее характерной особенности кавказского этносоциального бытия – о формах и механизмах, а главное – о роли публичной коммуникации в культуре и повседневности, а в итоге – в истории кавказских этносов. Здесь уместно заметить, что Кавказ при всем, хорошо известном этническом, языковом и религиозном многообразии обладает широко признанной культурной общностью и неким «субцивилизационным единством», которая выражена, прежде всего, в формах и нормах коммуникации [Абдулатипов 1995; Тхагапсоев 1999]. Это не удивительно если учитывать, что именно в общении (в процессах интеракции и коммуникации) создается реальная совместность людей (устойчивая общность, экзистенциальная связь между людьми), обеспечивающая самосохранение и само-воспроизводство социума, а также решение им жизненных проблем, поскольку в процессах коммуникации складываются механизмы поддержания общности и совместности людей, алгоритмы их взаимодействия, которые обеспечивают интеграцию индивидов в социальную тотальность, в общество.

Чем примечательна кавказская форма (кавказский тип) социально-культурной коммуникации, что ее делает столь значимой в бытии кавказцев?

Дело в том, что кавказская коммуникация, которая веками строилась и функционировала в условиях отсутствия письменности, так или иначе выполняет весь круг функций по организации социума и управлению им – от коллективной оценки любой значимой ситуации (события) до выработки и

воплощения в жизнь планов и сценариев действия по данному поводу. Это достигается за счет активного использования системы ритуалов (церемоний), схематизирующих действия по данному поводу (событию), замыкая их на коллективные усилия и ролевые функции членов социума. В итоге – социокультурная коммуникация, выстраиваясь как оперативная мобилизация культурного опыта социума коллективными усилиями, сводит к минимуму неопределенность и возможные ошибки в ситуациях действия по тому или иному значимому жизненному поводу. Иначе говоря, коммуникация строится в форме тотально режиссируемого коллективного «действия по поводу» (встречи гостя, свадьбы, похорон, примирения с бывшим противником и т.д.) при ведущей роли старшего, а точнее – «института старшего», который, имеет и гендерные особенности [Тхагапсоев 2000].

Доминирующая роль старшего (института старшего) в культурной коммуникации характерна для многих (почти для всех) традиционных культур. Однако в кавказских этнических культурах институт старшего имеет свои особенности. Они выражаются, прежде всего, в том, что старший в ситуациях (актах) публичной коммуникации пользуется широкими распорядительными полномочиями (властью). Таким образом «институт старшего» в системе коммуникации выступает как действенный центр и механизм социальной самоорганизации, а также как форма «прямого выражения и отправления власти демоса», что позволяют кавказским этносам оперативно организоваться в ответ на любой вызов жизни.

Следует учитывать и то обстоятельство, что роль института старшего выходит далеко за пределы режиссера и оперативного руководителя публичной коммуникации – он фактически структурирует этнический социум, придавая ему «секторальную конфигурацию» (систему горизонтально связанных общностей – семей, родов, фамилий, тейпов, тухумов) со всеми вытекающими отсюда последствиями. Дело в том, что горизонтально-секторальные структурные образования (сообщества родных, двоюродных, троюродных братьев и сестер, племянников и внуков, имеющих общих предков), именуемых по разному в различных этносах – «род», «тейп», «тухум» – активно (материально, морально, психологически, а в общем – постоянно и фактически) поддерживают каждого своего члена, защищая его в трудных ситуациях и жизненных невзгодах, окружая его «комфортом патернализма». В итоге, жизнь члена кавказских социумов фактически протекает одновременно в двух социальных пространствах:

-в общероссийском (макро-пространстве) – с его политической и идеологической культурой, институтами формального права и власти, механизмами консолидации, мобилизации и отчуждения;

-в этническом микро-социальном (семейном, клановом, тейповом) пространстве, где ему (члену этнического общества, социума) гарантированы поддержка, забота, защита («жизненное прибежище»).

Таким образом повседневное реальное бытие кавказца находится в тисках противоречий макро- и микро-масштабных пространств своего обитания.

О роли и значимости «секторальности социального бытия», основанной на родственных связях свидетельствует и тот факт, что с 90-х годов в республиках Северного Кавказа (особенно активно в Кабардино-Балкарии) родовые объединения регистрируются как неформальные институты (структуры) – юридические лица [Тхагапсоев 2002].

Как свидетельствуют факты, подчеркнем еще раз, именно сложное и противоречивое переплетение очерченных факторов так или иначе диктовало и диктуют все происходящее в повседневности, культуре и социально-политическом бытии кавказских этносов с 90-х годов до наших дней, ставя в центр аналитического поля, прежде всего, проблему периодизации постсоветских процессов в регионе (с учетом сути, содержания периода).

4. К периодизации постсоветской трансформации этнического бытия

Постсоветские трансформационные процессы в различных кавказских республиках развивались по-разному (как по темпам, так по содержанию и направленности); к тому же некоторые этапы накладывались друг на друга, что, понятно, затрудняет их календарную фиксацию. Имеет смысл в целях периодизации трансформационных процессов использовать понятие «фаза», как более многозначное чем «этап». Оно акцентирует не столько хронологическую последовательность изменений, сколько «состояние» общества в каждый данный момент или период развития. Эти состояния практически никогда не характеризуются только одним качественным свойством. На наш взгляд, просматривается пять «фазовых состояний» общества, сосуществовавших и сменявших друг друга в ходе развития постсоветских процессов на Кавказе: «фаза культурного бунта» этносов (1985-1991 гг.), «фаза политизации этнической активности сверху» (1991-1993 гг.), «фаза политизации этнической активности снизу» (1991-1999 гг.), «фаза власти отвергнутых лидеров» (1992-2010 гг.) и «фаза политической стабилизации» (путинский период – с 2000 г.), которые различаются по доминантным идеям и целям, по механизмам развертывания и конкретному содержанию (по результатам). Именно культурой, ее жизненно важными запросами и были обусловлены первые всплески этнической активности против советской системы.

Фаза культурного бунта. На этой фазе (конец 1980 – начало 1990-х годов) в этнических республиках Северного Кавказа не выдвигались политические требования – здесь преобладали идеи и мотивы культурного, а точнее – национально-культурного возрождения. Идея «национального возрождения» стала запоздалой реакцией на форсирование процессов строительства наднациональной и без- национальной «советской культуры» и «советского народа», что привело, прежде всего, к резкому снижению роли национальных языков в сферах образования и культуры. Соответственно, в фазе «культурного бунта» у этносов не было политических программ и антисоветских установок – устремления расковавшейся групповой энергии этносоциума ограничивались размытыми идеями «демократия», «свобода», что

предполагало и свободное обращение национальных (этнических) языков и таким образом – «возвращения к своим культурно-историческим корням».

Соответственно, главными механизмами этнической мобилизации в рамках этой фазы стали традиционные в прошлом формы самоуправления кавказских этносов («меджлис», «шура», «хаса», «тере»), которые в общем схожи (и в «плюсах», и в «минусах») с собраниями мужского населения городов античной Греции или с Новгородским Вечем. Эти формы были куда демократичнее советской бюрократической системы, чем и притягивали людей. Естественно, что во главе этнической активности оказались лидеры гуманитарной интеллигенции (сведущие в тонкостях культуры и ее истории). В этом плане характерно, что все первые президенты кавказских республик Левон Тер-Петросян (Армения), Звиад Гамсахурдия (Грузия), Иса Гамбар и Абульфаз Эльчибей (Азербайджан) имели филологическое образование, занимались литературной деятельностью – «служили культуре». Схожая ситуация имела место и в этнических республиках Северного Кавказа – и здесь лидерами «культурного бунта» становились, прежде всего, деятели гуманитарной сферы: писатели, историки, журналисты, артисты, вузовские преподаватели.

Однако в силу разных причин (к которым мы еще вернемся) культурным героям 90-х удалось прийти к власти и стать политическими лидерами далеко не во всех республиках Кавказа. В этом не последнюю роль сыграл такой контекстный фактор разворачивания этнической активности как борьба между Горбачевым и Ельциным за власть на закате советской системы.

Первым шагом в этом плане стала попытка Горбачева расширить полномочия автономных республик, полагая таким образом заполучить их поддержку в борьбе за укрепление своей власти. Однако пока Горбачев медлил со свойственной ему нерешительностью, Ельцин развернул активную работу с этническими движениями и их лидерами на местах (включая и их финансирование). В итоге скромные, спонтанно возникающие, открытые для всех и каждого клубно-дискуссионные структуры, академично звавшие «к возрождению культуры этноса» под кураторством политологов ельцинской команды стали превращаться в агрессивные общественно-политические организации, которые переводили постсоветские процессы в принципиально новую, политизированную фазу – управления сверху движением этносов.

Но что, важнее всего в данном случае – фаза «культурного бунта» имел в общем культурно-гуманистическую направленность, широкую поддержку населения и принесла позитивные результаты «культурно-возрожденческого» плана. В частности – национальные языки «вернулись» в сферу образования, школьного и дошкольного, прежде всего; история и культура этносов также стала предметами образования.

Политизация этнической активности «сверху». Этот процесс, как уже отмечено, стимулировала борьба Горбачева и Ельцина за доминирование во власти. При этом, если позиция Горбачева носила размытый характер – «повысить статус автономных республик», обещания Ельцина читались конкретно и однозначно «каждому этносу – собственное государство». Именно идея «своего государства» и стала переломным этапом в идеологии

постсоветской этнической активности и спусковым механизмом ее «политизации снизу» – этнические элиты и активисты взялись за воплощение ельцинской идеи так рьяно, что порой ситуация доходила до абсурда. Так, этнические активисты весьма скромной по территории и численности населения (400 тыс.) Карачаево-Черкесской автономной области (КЧАО) в 1990 г. решают создать в пределах ее границ пять «суверенных государств»: Карачаевскую республику, Республику Черкесия, Абазинскую республику, Баталпашинскую казачью республику и Зеленчукско-Урупскую казачью республику [Смирнова 1993]. Таким образом, этническая активность, изначально заявившая о себе как «культурный бунт» обретает (обрела) политическую форму – форму идеологии и практики этнического этатизма, а на смену философии «культурного возрождения» приходит идеология этнического суверенитета и практика этнического этатизма. В итоге постсоветская трансформация переходит в новую фазу – фазу управляемой сверху политизации этнического фактора, в рамках которой «политическими друзьями», но идеологическими конкурентами оказываются бывшие чиновники советской системы и новоявленные этнические активисты.

Политизация этнической активности «снизу». Как показал последующий ход событий, вариативность результатов этнополитической активности снизу (в том числе типаж и фигура политического лидера этноса) в разных кавказских республиках оказалась достаточно широкой – все зависело от соотношения указанных выше факторов в той или иной этнической республике («глобально» – от культурного фактора). Так, политический суверенитет Северо-Осетинской республики, православное население которой исторически, на протяжении длительного времени было интегрировано в российскую культуру и не имело «исторических обид» на Россию и советскую систему, был выстроен в самом «мягком варианте» – с ориентацией на демократию и формирование постсоветской политической элиты на основе культурной и научно-технической интеллигенции. Это выразилось, прежде всего, в фигуре первого постсоветского лидера Осетии-филолога, профессора и ректора местного университета А. Галазова.

Совсем иначе складывались обстоятельства в других республиках. Особенно сложной оказалась ситуация в Чечено-Ингушской республике – здесь ослабление жесткой советской системы как бы высвободило энергию давно накапливавшихся социальных недовольств и обид за «былые жестокости» Кавказской войны, за «сталинскую депортацию». «Вышел наружу» и давно зревший конфликт между городской, преимущественно русской культурой Грозного (здесь до 90-х преобладало русское население, занятое в высоко оплачиваемых сферах добычи и переработки нефти, машиностроения) и традиционной горской культурой чеченцев. К этому добавился и фактор проникновения в Чечню салафизма – радикалистского течения ислама. Все это дополнительно усугублялось анклавным характером расселения в Чечне – русские (численностью до 500 тыс.) проживали преимущественно в Грозном и в плодородных районах Чечни, примыкающих к Ставропольскому краю, в то время как чеченцы (тоже общей численностью примерно в 500 тыс.) обитали

главным образом в горных районах, скудных ресурсами. В этом плане социально-экономическая картина здесь в чем-то напоминала ситуацию пресловутого «конфликта богатого Севера и бедного Юга» – популярного в политологии ситуационного образа.

В условиях стечения перечисленных факторов «чеченская революция» ожидаемым образом обрела антирусский, антироссийский и антисоветский характер, что нашло отражение и закрепление в жестком моноэтническом этатизме (Ингушетия была отделена от Чечни), а также в типе личности и в авторитарной власти генерала Дж. Дудаева.

Таким образом, возникшие в 90-х уклады политической жизни и политического лидерства в Северной Осетии, с одной стороны и в Чечне – с другой, выразили полярные модусы постсоветской трансформации, между которыми укладывается целый спектр вариантов социально-политического развития, организации власти и лидерства в этих республиках. Однако здесь напрашивается еще одно уточнение – суть власти и тип лидера, сложившиеся в кавказских республиках (в большинстве из них) оказались во многом схожи и они могут быть определены как «власть отвергнутых лидеров».

5. Власть «отвергнутых лидеров» как феномен постсоветских трансформаций

Этот феномен особенно ярко проявился в Кабардино-Балкарии, ситуация в которой в 90-х годах характеризовалась следующими обстоятельствами:

-преимущественно диффузным расселением на ее территории кабардинцев (43%), русских (32%), балкарцев (12%) и еще около 12% представителей различных национальностей СССР, т.е. ни одна этническая группа здесь не имела абсолютного перевеса (доминирования);

-присутствием в республике двух религиозных конфессий – православия и ислама в форме умеренного суннизма, которые не только не конфликтуют друг с другом, но имеют опыт длительного толерантного сосуществования;

-активным проявлением фактора исторической памяти в двух формах: 1) балкарцы добивались признания незаконности сталинской депортации и ее квалификации как политического преступления, а в связи с этим – политической реабилитации депортированных и компенсации материально-финансового плана; 2) кабардинцы добивались осуждения постсоветскими федеральными властями России жестокостей Кавказской войны, возвращения на родину (в Россию, на Северный Кавказ) адыгов диаспоры;

-явным и скрытым соперничеством между собой элит двух «титulyных» этнических групп – кабардинской и балкарской за максимизацию власти и ресурсов в своих руках;

-нежеланием элиты русского и русскоязычного населения (около 45%) допустить доминирование какой-либо из «титulyных» этнических групп и следованием ее линии «невмешательства в отношения балкарцев и кабардинцев».

И, наконец, практически все этнические группы в республике склонны, были, с теми или иными оговорками, положительно оценивать советский период своей истории в плане общего культурно-цивилизационного развития, в то время, как к ходу и результатам либералистских реформ 90-х относились скорее критично.

Именно действие этих разно-сущностных и разнонаправленных факторов в конечном итоге привело к парадоксальному феномену – устойчивой «власти отвергнутого лидера», в данном случае – к возвращению во власть бывшего первого секретаря обкома Кабардино-Балкарии В. Кокова, который на волне демократического подъема начала 90-х принужден был покинуть свой пост. Нечто подобное случилось и в других этнореспубликах. Как такое стало возможно?

Дело в том, что после устранения власти КПСС в этнических республиках на первый план политической активности стали выходить не демократы (коих было немного), а националистические лидеры и активисты, политика которых сводилась главным образом к раздуванию любых межэтнических противоречий и борьбе за власть с перспективой создания «своего», т.е. этнического государства. Так, в КБР балкарские активисты требовали учреждения Балкарской республики, против чего выступала кабардинская элита. При этом русскоязычная элита сохраняла нейтралитет, что в итоге создавало «патовую ситуацию», парализующую экономическую и политическую жизнь республики. Нечто подобное происходило и в других республиках, поскольку в центр политической жизни в многоэтничного Кавказа вышел конфликтный во всех отношениях вопрос о суверенизации каждого этноса, о создании каждым этносом отдельного государства.

Эта «тупиковая ситуация» в республиках могла быть преодолена, будь ельцинские реформы успешны и результативны, чего так и не случилось. В конечном итоге выход из этой тупиковой ситуации стал вовсе не результатом успешных реформ или мудрости новых постсоветских политических элит, а скорее следствием иррациональной практики этнических активистов, в частности – властей «дудаевской Чечни», отмеченной террором и массовым преследованием русского населения.

В этой ситуации укорененные в ментальности кавказских этносов веками привычка к содружеству этносов (народов) и вера в «единство и общность во имя грядущего блага» сделали свое дело – этническое движение стало терять популярность. Отход населения от этнических движений стал особенно заметен в ходе первых постсоветских выборов в 1992 г. – победу на этих выборах в КБР одержал бывший первый секретарь обкома КПСС В. Коков. Так отвергнутый лидер «эпохи КПСС и СССР» вновь, уже в постсоветской России, оказался у власти в КБР. По схожему сценарию происходило становление «власти отвергнутых» и в других республиках региона.

Так, Владимир Хубиев, партийно-советская карьера которого началась еще в 1961 г., стал в 1990 г. первым постсоветским главой этой республики и оставался на этой должности до 1999г (до начала «эпохи Путина»).

Аслан Джаримов, партийно-советская деятельность которого началась в 1970 г. и который встретил распад СССР в должности первого секретаря Адыгейского обкома КПСС, без особого труда стал и первым постсоветским главой – президентом этой республики и оставался в этой роли до 2002 г.

Магомедали Магомедов, вступивший на путь партийно-советского карьерного восхождения еще в 1970 г., первым возглавил государственную власть постсоветского Дагестана и оставался на своем посту до 2006 г.

Валерий Коков, о котором уже шла речь, начал свою карьеру в 1964, встретил закат советской системы в должности первого секретаря обкома КПСС; был что называется «скандально изгнан из власти» общими усилиями демократов и этнических активистов, но затем стал президентом КБР и оставался на этом посту до 2005 г.

Нечто подобное происходило и в других республиках РФ (бывший первый секретарь Татарского обкома М. Шаймиев стал президентом этой республики и оставался на этом посту до 2010 г.), а также в республиках Закавказья. В частности – на смену революционным лидерам, отвергавшим советскую власть, добивавшимся выхода из СССР и «национального возрождения» своих республик вскоре пришли «фигуры отвергнутой власти», бывшие партработники (Г. Алиев в Азербайджане, Э. Шеварднадзе в Грузии, Р. Кочарян и С. Саргсян в Армении).

За сходством описанных трансформаций «типа власти и политического лидерства» в этнических республиках, на наш взгляд, стоят обстоятельства, без учета которых трудно понять, как стала возможна подобная метаморфоза.

Поясим, чем идет речь. Советская система и ее кадры в 90-х годах были настолько дискредитированы в массовом сознании, что «бывшие» не пользовались популярностью. Приход «бывших» в новую власть не был (и не мог быть) обусловлен и тем, что у них вдруг чудесным образом обнаружились качества, востребованные в новых условиях – демократизм, креативность, рыночная компетентность и т.д. Так что возвращение «отвергнутых» во власть едва ли может быть объяснено фактором харизматичности – всенародной любовью и массовой поддержкой никто из перечисленных «бывших», как указывают факты, не пользовался, а в отношении В. Кокова и В. Хубиева, постоянно шла борьба за их отстранение от власти. В этом контексте остается заключить, что ресурс влияния и власти «бывших» крылся скорее в их ключевой особенности как носителей и выразителей управленческой культуры поздней советской эпохи, а именно – в консервативности ментального склада и принципов действия. И в самом деле «бывшие» убежденно выступали против курса гайдаровских рыночных реформ и столь же убежденно следовали догмам интернационализма, сторонясь этнических активистов, поскольку видели в них опасных разрушителей «единства советского народа».

В этом контексте возвращение «бывших» в новую власть не было их победой, а был скорее результатом «негативного» политического выбора населения республик. Точнее сказать – результатом «двойного негативного выбора»: негативного выбора по отношению к власти этнических активистов (внушавших страх своим экстремизмом) и негативного выбора по отношению к

неудачным реформам Ельцина. Ведь эти реформы вели буквально «на глазах» к разрушению экономики, деградации производства, к массовому обнищанию населения, к безвластью на местах и к появлению в обществе большого количества таких рисков и угроз, коих не было прежде – бандитизма, вооруженных межнациональных конфликтов, гиперинфляции, не говоря уже об абсурдно высоком расслоении населения по уровню доходов. Какое отношение могло быть к подобным реформам и стоящей за ней властью? Понятно – негативное.

С другой стороны, власть оценивают (принято оценивать) по ее эффективности. Однако власть и лидерство «отвергнутых» складывались так и действовала таким образом, что к ней трудно применить общепринятые критерии эффективности (рост экономики, качества жизни, уровня демократии, роли гражданского общества и т.д.). Власть «бывших» фактически выполняла особую функцию – она манифестировала позицию большинства населения на заре 90-х по отношению к историческому (советскому) «прошлому», к реформенному курсу Ельцина («к настоящему»), а также «к должному», «желательному будущему» в новой России. Отсюда и результаты, разнившиеся от республики к республике

Так, в Чеченской республике позиция доминирующей этнической группы населения (чеченцев – в связи с оттоком русского населения) выразилась в «памяти отмщения за былые обиды», что властью и политикой Дудаева было обернуто в вооруженную борьбу с российской армией и российским государством. В других республиках ситуация не дошла до таких крайностей – речь, как правило, шла о неприятии рыночного фундаментализма, ведущего к атомизации социума и дегуманизации культуры, а также к этнизации власти, чреватой неравенством, экстремизмом и насилием.

Так что «власть отвергнутых» скорее выполняла компенсаторно-психологические функции – «демпфирование» шоковых реформ, сохранение «социального мира» и общности в социуме на основе популистских тактик и патерналистских лозунгов. Здесь не приходится говорить о рациональном проекте преодоления советского модуса жизни и выходе на новый курс развития. Каких-либо успехов в плане технико-технологического, экономического, социально-культурного и инфраструктурного развития, а тем более – развития политической демократии и гражданского общества за властью «бывших» не замечено.

Но «бывшие» преуспели в другом – в укреплении личной власти. Это происходило в каждой республике по одной и той же схеме – создавалась конституция «суверенной республики», наделявшая ее президента (главу) такими полномочиями, при которых он становился фактически несменяемым, а его власть – не контролируемой «сверху» и не достигаемой «снизу». При этом «бывшие» не без успеха прикрывались популизмом, в том числе активно эксплуатируя и «ноющие боли исторической памяти» этносов – Кавказской войны и «сталинской депортации народов».

В заключение данного сюжета еще раз подчеркнем, что особенности политического лидерства в Осетии и Чечне в рассматриваемый период не

укладывается в модус «власть отвергнутых лидеров», с которым столкнулся В. Путин, придя к власти в 2000 г.

6. «Путинский этап» постсоветских процессов

Курс Путина, который, как известно, вызывает разноречивые оценки (как в самой России, так и за ее пределами), здесь будет затрагиваться лишь в одном аспекте – в контексте постсоветских процессов на Кавказе. В этом ракурсе примечательны два обстоятельства: «вторая чеченская война» и политика восстановления «единства конституционного пространства» РФ.

Вторая чеченская война, в отличие от первой, велась по «гибридной» технологии и тактике – на основе сочетания военной силы с политикой диалога с чеченским населением. При этом учитывались и особенности кавказской социальной самоорганизации – секторальность общества и роль «института старшего» в каждом секторе. Подобная тактика, как и следовало ожидать, привела к расколу в чеченской элите и переходу на сторону РФ ряда тейпов, в первую очередь – Кадыровых и Ямадаевых, что в конечном итоге позволило вернуть Чечню в русло мирного развития в составе РФ. Так что в урегулировании «чеченской ситуации» далеко не последнюю роль сыграли особенности кавказской социокультурной коммуникации. Дело в том, что данный тип коммуникации, хотя и обеспечивает сплоченность «своего сектора» (рода, тейпа) и ее мобилизацию в ситуациях «вызова», одновременно дробит этнический социум на сектора горизонтальных связей (род, тейп, тухум), допуская (практикуя) при этом в меж-секторальной коммуникации лишь механизм (принцип) «консенсуса». Этот феномен имеет глубокие экзистенциальные основания и являет собой фундаментальную социальную ценность – он в кавказском культурно историческом пространстве веками предотвращал доминирование какой-либо этнической (примордиальной) группировки над другой (другими), обеспечивая таким образом мирное сосуществование этносов, что подтверждается самой историей региона – здесь неизвестны факты порабощения одних этносов другими. В этом контексте уже сам факт «выхода из унии» и перехода на сторону Федеральных властей РФ двух влиятельных чеченских тейпов означал не какое-то ситуативное перераспределение сил «за и против» России, а де-легитимацию самой «унии бунта против России». Именно так в данном случае сработали особенности культур кавказских этносов.

Параллельно с процессами «замирения Чечни» в стране разворачивалась и стратегия «восстановления единства конституционного пространства» России – приведение конституций и законов этнических республик в соответствие с Конституцией и базовыми законами РФ (рассмотрение коих не входит в цели нашего анализа).

И, наконец, есть такой аспект у постсоветских процессов, который, может рассматриваться, пожалуй, как наиболее объективный критерий оценки глубины изменений в социальном бытии этносов, вызванных этими процессами. Речь идет о гендерных отношениях.

7. Гендерный фактор в постсоветских трансформационных процессах на Кавказе

Едва ли надо доказывать, что положение женщины в социуме (обществе), а если шире – гендерная культура, будучи одной из базовых характеристик социальной общности (этноса, в данном случае), детерминирована всеми прочими социокультурными характеристиками этой общности – уровнем социально-экономического и культурного развития, развитием прав и личной свободы. В этом смысле постсоветские трансформации, конечно же, должны оцениваться и через призму гендерных процессов в новой России.

Традиционная («до революционная», «до советская») культура любого кавказского этноса явно патриархатна в гендерном измерении, а патриархальная форма семейного уклада является едва ли не базовой основой кавказского социально-культурного бытия. Данный тип семейного уклада сохранялся и на всем протяжении советской эпохи. В этом контексте неудивительно, что в дискурсах российской этнологии и гендерологии кавказские этносы и сегодня (в постсоветской России) подаются как консервативные, не проницаемые для новации и прогресса, герметично замкнутые на свои «архаичные культуры», обрекающие женщину «на вторые роли в социуме» и бесправие, на абсолютную зависимость от мужчины [Сиражудинова 2012].

Однако постсоветские трансформационные процессы «опрокинули» подобные представления о «кавказской гендерной культуре». В экстремальных условиях 90-х годов, когда рушились привычные формы экономики (индустриальное промышленное и аграрное производство, прежде всего), «мужчины-кормильцы» массово теряли работу, а в хлебосольные кавказские семьи реально «постучались» нищета и голод, в этнокультурном пространстве Кавказа случилось нечто из ряда выходящее – на позиции кормильца стала выходить женщина, случилась «гендерная революция».

Дело в том, что в создавшихся в 90-х годах условиях доминирующей формой экономической деятельности в стране стал так называемый «челночный» бизнес. При этом «челночный бизнес» предстояло развернуть в условиях практически полного отсутствия в стране рыночной инфраструктуры (коммерческих банков, маркетинга, консалтинга, логистических услуг). К тому же, частный бизнес в России в ту пору был «неведомой тропой», полной неизвестности, рисков и опасностей. Как добыть «стартовые деньги», приобретать товар за границей, обеспечивать собственную безопасность и безопасность своих товарно-денежных операций? Подобным вопросам не было счета. Оказалось, что эти вопросы (от фрахтовки чартерных авиарейсов в Турцию до обеспечения сносной безопасности бизнеса) можно решать с опорой на «кавказскую солидарность» женщин, на женское коллективное взаимодействие. Как это стало возможно?

Здесь впору вновь обратиться к особенностям кавказской культуры, к их гендерным измерениям. Их, по меньшей мере, пять:

-секторальная структура этнического сообщества (что уже отмечалось);

-«векторная направленность брака»;

-гендерная зависимость отношений типа «конкуренция – солидарность» в этносоциальном пространстве;

-значимый и весьма действенный характер «института старшего» в социальном бытии этносов, в механизмах его регуляции и наличие таких особых социальных диспозиций как «старший мужчина» (семьи, рода, тейпа) и «старшая женщина», что обеспечивало женщине значительную возможность принимать авторитетные решения, порой «выходящие» за рамки традиционалистских представлений;

-и, наконец, жестко экзогамная культура – запрет брачных отношений между кровными родственниками, что называется «вплоть до седьмого колена», что изначально ориентирует сознание подрастающих поколений на «эмпативное» отношение к «иному, другому роду», к «чужим родам».

Мы уже рассматривали роль и значимость секторальной структуры этнического социума в бытии кавказских этносов, поэтому сосредоточимся на других особенностях кавказской культуры и начнем с «векторной направленности брака».

Дело в том, что в культуре рассматриваемых этносов легитимируется и поддерживается «только и только» одна форма (модель) брака и образования новой семьи, а именно – в форме «выхода женщины замуж» в буквальном смысле, что непременно предполагает уход женщины из своего рода и семьи, переход в семью и род мужа. При этом ситуации, когда мужчина, заключая брак, переходит в семью (в род) жены, случаются крайне редко и подобный брак в этносоциуме воспринимается как маргинальный, не заслуживающий уважения. Характерно и то, что подобный брак считается «минусом» именно для репутации мужчины, мужа (он и становится объектом иронии социума), что совсем не касается жены, ее репутации.

Итак нормы культуры таковы, что женщина из кавказского этноса заключая брак покидает свою семью и переселяется в семью мужа, в его секторальное этносоциальное пространство (семью, род, клан, тейп). Но при этом, что принципиально важно, за ней сохраняется и принадлежность к роду, откуда она выходит и таким образом ей по-прежнему будет гарантирована поддержка и забота членов рода, откуда она вышла. В итоге получается так, что каждая замужняя женщина одновременно принадлежит двум секторальным структурам, двум фамильно-родовым образованиям. Таким образом, фактически главным носителем и строителем связей между кланово-родовыми секторами этнического социума является женщина.

И еще – у «векторного брака» есть не только социальные, но также психологические и символические измерения. Дело в том, что «домашним хозяйством» в бытии кавказских этносов руководит старшая в семье женщина, каковой в молодых семьях является мать мужа (свекровь). Соответственно, прочность и благополучие молодой семьи фактически зависит от атмосферы отношений «старшей женщины семьи» (матери мужа) и невестки, пришедшей из «другого» рода.

Разумеется, кавказские этносы, как и все население планеты, подвержены историческим тенденциям развития семьи – «от большой, родовой» к «малой – Он, Она и дети». Однако одним из неукоснительных норм культуры этих этносов так и остается принцип «младший сын и его семья живут в родительском доме», хотя этот дом может быть перестроен, выстроен вновь и даже перенесен в другое место – главное в том, что младший сын (один из сыновей) обязан «смотреть за родителями», пока они живы. Естественно в этой культурной ситуации одним из ключевых элементов воспитания девочек является формирование в них психологической готовности перейти в другой клан, «подстроиться» там под «старшую женщину», поддерживая атмосферу мира, согласия.

Об этом заботится и символический арсенал культуры этноса («ресурс власти общественного мнения») – едва ли ни добрая половина всех пословиц и поговорок кавказских этносов посвящена именно взаимоотношениям невестки и свекрови. При этом в них (пословицах) всячески возносятся толерантность невестки и сурово осуждается ее непочтительность и невыдержанность, как, впрочем, и любая несправедливость со стороны свекрови. В свою очередь, позиция «моя невестка стала мне дочерью» обеспечивает свекрови всеобщее почитание.

К специфическим особенностям бытия кавказских этносов относится, как уже подчеркивалось, значимость и практическая действенность «института старшего». Особенно специфичен институт «старшая женщина» – над ней в рамках данного микросоциума (семьи, фамилии, рода) практически нет мужской власти. Именно от воли старшей женщины в прошлом зависело решение ключевого для жизни социума вопроса – вопроса о прекращении вражды и конфликтов между родами, что и поныне сохраняется как символический ресурс культуры.

И, наконец, об особенностях отношений «солидарность-конкуренция» в сообществах мужчин и в сообществах женщин.

Ситуация здесь такова, что во взаимных отношениях мужчин (внутри мужского сообщества, мужского коллектива) явно доминирует конкуренция вплоть до ее самых острых форм – форм «агона» [Бгажноков 2011], в то время как между женщинами, как уже подчеркивалось, доминирует солидарность.

Здесь мы подошли к главному – культура, как известно, являет собой прежде всего всеохватный механизм адаптации человека к условиям существования (природно-экологическим, социальным, политическим, экономическим). В этом смысле резкие изменения условий бытия любой социальной общности являются «вызовом» для этой общности, требующим «ответа», т.е. активных действий со ее стороны – перестроения форм, институций и механизмов социального бытия, включая и гендерное бытие, в частности – перераспределения социальных ролей и функций между мужчиной и женщиной. Так и случилось в 90 годы, произошла «гендерная революция» – на позиции кормильца в кавказской семье с опорой на «челночный бизнес» стала выходить женщина. При этом «стартовым капиталом» становились

скромные деньги от продажи своих драгоценностей и украшений, накопленных в небогатую советскую пору.

Массовый выход кавказской женщины на роль «добытчика и кормильца», сопровождался и серьезными издержками – резким ростом алкоголизма среди мужчин, чего доселе не было в среде кавказцев. В связи с этим неудивительно, что «кавказская гендерная инверсия» этнологами и этносоциологами на местах отображается далеко не в радужных красках.

Но самое главное в данном случае заключается в том, что ход российской социальной истории в 90-х годах положил конец мифу российской этнологии (да и всей гуманитарной науки) о непроницаемости кавказских культур для инноваций и прогресса, об их неспособности реагировать на вызовы времени, содержательно отвечать на эти вызовы.

Между тем, история кавказских этносов сложилась так, что на протяжении 20 века они дважды оказывались в сложной ситуации «исторического вызова», т.е. радикальных изменений условий собственного существования. Речь идет о революции 1917 года и «шоковых» либеральных реформах 1990-х. Кажется парадоксальным, что «кавказская гендерная революция» не случилась в советское время. Ведь идеология и стратегия советской системы ставили на первый план именно социальный конструктивизм – формирование «нового человека, свободного от пережитков прошлого», т.е. от паттернов этнических культур и их гендерных моделей, которые и трактовались как «пережитки прошлого» и «признаки отсталости». Однако при сколько-нибудь внимательном анализе фактов все становится на свои места: это скорее в пропагандистской риторике советские реформы в этнических регионах представляли как «революционные». На самом деле ставка на политику «национальной автономии», с одной стороны, и на колхозную экономику – с другой, привели к сохранению на долгие годы в этнических регионах общинно-патриархальных (колхозных) форм бытия. Достаточно интенсивные процессы урбанизации не привели к «отрыву» сколь-нибудь значительной доли населения от своей деревенской, «аульной» этносоциальной почвы. Во-первых, по уровню урбанизации народы Северного Кавказа к концу советской эпохи существенно отставали от среднероссийских показателей. Во-вторых, рост городского населения в республиках региона не сопровождался сокращением сельского – в абсолютном выражении оно продолжало расти. В-третьих, здесь «город» не был дистанцирован от «села» ни в пространственном ни в социальном плане – и горожане и сельчане охватывались едиными социальными сетями прочных родственно-соседских связей [Боров 2010]. Но самое главное в том, что советская система в социальном измерении носила, как и кавказские культуры, патерналистский характер, не оставляла человека наедине «с вызовами», обеспечивая каждому поддержку и «равенство всех в бедности».

Иное дело – реформы 90-х: они стали шоком и критическим вызовом для кавказских этносов, поскольку в создавшихся условиях общего обнищания утрачивали действенность и традиционные, архаично-патерналистские механизмы «коллективного выживания», что в конечном итоге вызвало к жизни

«гендерную революцию» («инверсию»). Эта революция имеет массу различных последствий, которые проявляются в культуре и повседневной жизни в самых разнообразных формах и масштабах – и по сей день. Речь идет, прежде всего, о моде, динамизме женщин, а также поведенческих моделях и стратегиях женского населения.

Разумеется, «женский прорыв» в малый (челночный) бизнес уже ушел в историю – в регионе ныне сложился «мужской бизнес», в том числе крупный. Однако укрупняется и «женский бизнес» – во всех этнических республиках сложились «цивилизованные» формы заметного (среднего и крупного) успешного бизнеса, возглавляемого кавказскими женщинами. К тому же, едва ли ни большая часть малого бизнеса в таких сферах как питание, торговля, парикмахерское дело, медицинские услуги в кавказских республиках находится в руках бизнес-леди новой генерации.

Как уже подчеркивалось, «гендерная инверсия» в кавказском этнокультурном мире, случившаяся в общем контексте постсоветских трансформации России имеет массу самых различных последствий, которые в нарастающей мере проявляются в культуре и повседневной жизни в самых разных формах. Столь же решительно женщины врываются и в «очень мужские» сферы деятельности – мужчина «постсоветскими горянками» все чаще «отстраняется» даже от таких форм деятельности, о которых в советское время и помышлять было невозможно, в частности, от службы в правоохранительных органах. Подполковники милиции, лейтенанты ГИБДД, капитаны следственных органов ныне в северокавказских этнических республиках совсем не редкость, а о таможенных, налоговых и надзорных органах и говорить нечего.

Остается добавить, что на постсоветском Кавказе появились женщины-писатели, творящие в философии и эстетике посмодернизма, т.е. «деконструкции» устоев любой традиции – гендерных стереотипов не в последнюю очередь. В этом плане особенно ярко выделяются Алиса Ганиева и Мадина Тлостанова, творчество которых является также и талантливой иллюстрацией к сложностям и противоречиям кавказского этно-культурного мира, развивающегося по пути преодоления «постсоветского шока» и поиска своего места в культурных реальностях современного, сложного и крайне противоречивого глобального мира [Ганиева 2015; Хараева 2015; Дамиан 2006]. Эти поиски осуществляются ими не только в художественном творчестве, но и в интеллектуальном пространстве и в специально-научной сфере [Я повсюду иностранка... 2015; Тлостанова 2009].

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что патриархатная гендерная модель в общем контексте постсоветских трансформаций явно перестает быть одним из базовых маркеров кавказской этнической культуры.

Однако ситуация в плане темпов, направлений и результатов постсоветской трансформации в различных этнических республиках далеко неодинакова. В частности, в Чечне, Ингушетии и Дагестане преобладает тенденция к ре-исламизации культуры, дрейфу этнического сознания «к своим истокам», т.е. к архетипам и габитусам патриархатной ментальности, так что

здесь и сегодня сталкиваются разнонаправленные тенденции постсоветского развития, а гендерное равноправие так и остается под вопросом.

Вместо заключения

Мы уже апеллировали к идее Бурдые о том, что попытки критически осмыслить культуру приводят к политике. Наш анализ постсоветских процессов в кавказском этно-социальном пространстве, как представляется, дает основание и для иного прочтения этой идеи – критический анализ политических процессов приводит к особенностям культуры, которые явно недооценивались, что напрямую относится к культуре кавказских этносов. И, конечно же, одолевает желание в заключение «бросить взгляд» на перспективу культурно-ментального мира, особенности которого на протяжении многих веков обеспечивали сосуществование десятков этносов на относительно небольшой и «беспокойной» территории Кавказа – извечного «моста» и «преграды» между Востоком и Западом, где частенько складывались историко-культурные и геополитические ситуации, угрожающие самому существованию этого культурного мира. Уже советская система нанесла удар по одному из его стержневых элементов, «институту старшего» – ведь эта система не допускала какого-либо проявления неформальной власти. Современная российская «управляемая демократия» и ее «вертикаль власти» действуют в том же направлении. К тому же, постсоветские процессы, как уже подчеркивалось, практически разрушили еще одно базовое основание кавказского культурно-ментального мира – патриархатную гендерную модель. Свою лепту в разрушение кавказского культурного мира вносят и процессы глобализации, которые только и набирают обороты, несмотря на сопротивление разнородных сил (левого движения, консерваторов правого толка, этнических лидеров и др.), нивелируя всякие культурные различия и унифицируя все культуры к модусу «массовой культуры». В этом контексте, трудно избавиться от вопроса: «Не стала ли постсоветская трансформация последним выходом кавказского культурно-ментального мира на историческую арену в роли решающего детерминатора политической практики большого сообщества этносов?»

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абдулатипов 1995 – *Абдулатипов Р.Г.* Кавказская цивилизация: самобытность и целостность // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 1. – С. 3-17.

Бгажноков 2011 – *Бгажноков Б.Х.* Этнография адыгов. – Нальчик: Эльбрус, 2011. – 509 с.

Бережной и др. 2002 – *Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В.* Ислам в современных республиках Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. – 168 с.

Боров 2010 – *Боров А.Х.* Проблемы социально-культурной модернизации Северного Кавказа: советский опыт // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – № 2. – С. 175-183.

Боров 2016 – *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос»: опыт нормативного политического анализа // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2016. – № 2 (70). – С. 139-146.

Боров, Кочесоков 2011 – *Боров А.Х., Кочесоков Р.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе-противоречия интеграции и синтеза // *Философские науки.* – 2011. – № 1. – С. 43-61.

Боров, Муратова 2011 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // *Общественные науки и современность.* – 2011. – № 4. – С. 157-166.

Бурдые 1993 – *Бурдые П.* Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

Ганиева 2015 – *Ганиева А.* Жених и невеста. – М.: Издательство АСТ, 2015. – 288 с.

Дамиан 2006 – *Дамиан Д.* В вашем мире – я прохожий. – М.: URSS, 2006 (М.: ЛЕНАНД). – 239 с.

История... 2007 – *История* многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. – Нальчик: «Издательство М. и В. Котляровых», 2007. – 720 с.

Карамурзов и др. 2013 – *Карамурзов Б.С., Савинцев А.П., Баразбиев М.И.* Русский фактор в развитии Кабардино-Балкарского государственного университета // *Научная мысль Кавказа.* – 2013. – № 4. – С. 18-24.

Карл, Шмиттер 2004 – *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // *Полис.* – 2004. – № 4. – С. 6-28.

Красин 2003 – *Красин Ю.А.* Политическое самоопределение России: проблемы выбора // *Полис.* – 2003. – № 1. – С. 124-134.

Нора 1999 – *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М.* Франция – память. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 328 с. С. 17-50.

Нора 2005 – *Нора П.* Всемирное торжество памяти. Опубликовано в журн.: *Неприкосновенный запас.* 2005 2-3(40-41) // Интернет-проект «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 13.02.2018).

Сиражудинова 2012 – *Сиражудинова С.В.* Гражданское общество, традиционализм и ислам на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону: «АзовПечать», 2012. – 200 с.

Смирнова 1993 – *Смирнова Я.С.* Карачаево-Черкесия: этнополитическая и этнокультурная ситуация // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии.* – М.: ИЭА РАН, 1993. – № 48. – 32 с.

Тлостанова 2009 – *Тлостанова М.В.* Деколониальные гендерные эпистемологии. – М.: ООО «ИПЦ „Маска“», 2009. – 386 с.

Тхагапсоев 1999 – *Тхагапсоев Х.Г.* О кавказской культурной общности // *Вестник Российской академии наук.* – 1999. – Т.69. – № 2. – С. 135-140.

Тхагапсоев 2000 – *Тхагапсоев Х.Г.* К коммуникативным особенностям бесписьменных культур // *Научная мысль Кавказа.* – 2000. – № 2. – С. 48-56.

Тхагапсоев 2002 – *Тхагапсоев Х.Г.* Этноэтатизм как инобытие российского федерализма // *Научная мысль Кавказа.* – 2002. – № 3. – С. 25-34.

Тхагапсоев 2008 – *Тхагапсоев Х.Г.* Кавказская культура: особенности генезиса и тенденции развития. – СПб.: «Астерион», 2008. – 222 с.

Узнародов 2017 – *Узнародов Д.И.* Лезгинский ирредентизм как геополитической фактор на Северном Кавказе // *Кавказология.* – 2017. – № 2. – С. 110-118. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Uznarodov_Kavkazologiya_2017_2.pdf (дата обращения: 19.01.2018)

Хараева 2015 – *Хараева Л.А.* Гендерное и человеческое в романе Дины Дамиан «В вашем мире я прохожий» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования.* – 2015. – № 4. – С. 90-99.

Я повсюду иностранка... 2015 – «*Я повсюду иностранка*». Писательница Алиса Ганиева размышляет об истинных и ложных традициях Дагестана. 07.04.2015 // *Российская газета: сайт.* URL: <https://rg.ru/2015/04/08/ganieva.html> (дата обращения: 14.02.2018).

Tkhagapsoev 2006 – *Tkhagapsoev H.G. On the Way to Mirage: Russian Metamorphoses of Liberalism and Problem of Their Interpretation // South Atlantic Quarterly. – 2006. – Vol. 105. – No 3. – P. 500-526.*

REFERENCES

ABDULATIPOV R.G. *Kavkazskaya tsivilizatsiya: samobytnost' i tselostnost'* [Caucasian civilization: distinctiveness and integrity]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 1995. – No 1. – P. 3-17.* (In Russian)

BEREZHNOI S.E., DOBAEV I.P., KRAINYUCHENKO P.V. *Islam v sovremennykh respublikakh Severnogo Kavkaza* [Islam in the modern republics of the North Caucasus]. – Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNTs VSh, 2002. – 168 p. (In Russian)

BGAZHNOKOV B.Kh. *Etnografiya adygov* [Ethnography of Adyghe]. – Nal'chik: El'brus, 2011. – 509 p. (In Russian)

BOROV A.Kh. «*Cherkesskii vopros*»: *opyt normativnogo politicheskogo analiza* [“Circassian question”: an essay in normative political analysis]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN. – 2016. – No 2 (70). – P. 139-146.* (In Russian)

BOROV A.Kh. *Problemy sotsial'no-kul'turnoi modernizatsii Severnogo Kavkaza: sovetskii opyt* [Problems of socio-cultural modernization of the North Caucasus: soviet experience]. IN: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2010. – No 2. – P. 175-183.* (In Russian)

BOROV A.Kh., KOCHESOKOV R.Kh. *Severnyi Kavkaz v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse-protivorechiya integratsii i sinteza* [North Caucasus in Russian civilizational process – contradictions of integration and synthesis]. IN: *Filosofskie nauki. – 2011. – No 1. – P. 43-61.* (In Russian)

BOROV A.Kh., MURATOVA E.G. *Severnyi Kavkaz v sovremennom obshchestvennom diskurse* [North Caucasus in modern public discourse]. IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2011. – No 4. – P. 157-166.* (In Russian)

BOURDIEU P. *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics]. – M.: Socio- Logos, 1993. – 336 p. (In Russian)

DAMIAN D. *V vashem mire – ya prokhozhi* [I am a passer-by in your world]. – M.: URSS, 2006 (M.: LENAND). – 239 p. (In Russian)

GANIEVA A. *Zhenikh i nevesta* [Bride and groom]. – M.: Izdatel'stvo AST, 2015. – 288 p. (In Russian)

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva. K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiei [History of the centuries-old fraternity. To the 450th anniversary of alliance and unity of the peoples of Kabardin-Balkaria with Russia] / Ed. by B.Kh. Bgazhnokov. – Nal'chik: «Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh», 2007. – 720 p. (In Russian)

KARAMURZOV B.S., SAVINTSEV A.P., BARAZBIEV M.I. *Russkii faktor v razviti**i Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Russian factor in the development of Kabardin-Balkar state university]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2013. – No 4. – P. 18-24.* (In Russian)

KARL T.L., SCHMITTER Ph. *Demokratizatsiya: kontsepty, postulaty, gipotezy (razmyshleniya po povodu primenimosti tranzitologicheskoi paradigmy pri izuchenii postkommunisticheskikh transformatsii)* [Concepts, Assumptions and Hypotheses about Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations)]. IN: *Polis. – 2004. – No 4. – P. 6-28.* (In Russian)

KHARAEVA L.A. *Gendernoe i chelovecheskoe v romane Diny Damian «V vashem mire ya prokhozhi»* [Gender and human in the novel “I am a passer-by in your world” by Dina Damian]. IN: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya. – 2015. – No 4. – P. 90-99.* (In Russian)

KRASIN Yu.A. *Politicheskoe samoopredelenie Rossii: problemy vybora* [Russia's Political Self-Determination: Problems of Option]. IN: *Polis. – 2003. – No 1. – P. 124-134.* (In Russian)

NORA P. *Mezhdu pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati* []. IN: Nora P., Ozuf M., Pyuimezh Zh., Vinok M. *Frantsiya – pamyat'* [Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire]. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. – 328 p. P. 17-50. (In Russian)

NORA P. *Vsemirmoe torzhestvo pamyati. Opublikovano v zhurn.: Neprikosnovennyi zapas. 2005 2-3(40-41)* [The Reasons for the Current Upsurge in Memory]. IN: Internet-proekt «Zhurnal'nyi zal». URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (date of access: 13.02.2018). (In Russian)

SIRAZHUDINOVA S.V. *Grazhdanskoe obshchestvo, traditsionalizm i islam na Severnom Kavkaze* [Civil society, traditionalism and Islam in the North Caucasus]. – Rostov-na-Donu: «AzovPechat'», 2012. – 200 p. (In Russian)

SMIRNOVA Ya.S. *Karachaevo-Cherkesiya: etnopoliticheskaya i etnokul'turnaya situatsiya* [Karachai-Circassia: ethno-political and ethno-cultural situation]. IN: *Issledovaniya po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Studies in applied and urgent ethnology]. – M.: IEA RAN, 1993. – No 48. – 32 p. (In Russian)

TKHAGAPSOEV H.G. On the Way to Mirage: Russian Metamorphoses of Liberalism and Problem of Their Interpretation. IN: *South Atlantic Quarterly*. – 2006. – Vol. 105. – No 3. – P. 500-526.

TKHAGAPSOEV Kh.G. *Etnoetatizm kak inobytie rossiiskogo federalizma* [Ethno-etatism as another form Russian federalism's existence]. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2002. – No 3. – P. 25-34. (In Russian)

TKHAGAPSOEV Kh.G. *K kommunikativnym osobennostyam bespis'mennykh kul'tur* []. IN: *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. – 2000. – No 2. – P. 48-56. (In Russian)

TKHAGAPSOEV Kh.G. *Kavkazskaya kul'tura: osobennosti genezisa i tendentsii razvitiya* [Caucasian culture: features of genesis and lines of development]. – SPb.: «Asterion», 2008. – 222 p. (In Russian)

TKHAGAPSOEV Kh.G. *O kavkazskoi kul'turnoi obshchnosti* [On Caucasian cultural community]. IN: *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*. – 1999. – Vol. 69. – No 2. – P. 135-140. (In Russian)

TLOSTANOVA M.V. *Dekolonial'nye gendernye epistemologii* [De-colonial gender epistemologies]. – M.: OOO «IPTs „Maska“», 2009. – 386 p. (In Russian)

UZNARODOV D.I. *Lezginskii irredentizm kak geopoliticheskoi faktor na Severnom Kavkaze* [Lezgin irredentism as a geopolitical factor in the North Caucasus]. IN: *Kavkazologiya*. – 2017. – No 2. – P. 110-118. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2016/12/Uznarodov_Kavkazologiya_2017_2.pdf (date of access: 19.01.2018) (In Russian)

«Ya povsyudu inostranka». *Pisatel'nitsa Alisa Ganieva razmyshlyaet ob istinnykh i lozhnykh traditsiyakh Dagestana* [“Elsewhere I am a foreigner”. Writer Alisa Ganieva meditates on genuine and false traditions of Dagestan]. 07.04.2015. IN: *Rossiiskaya gazeta: sait*. URL: <https://rg.ru/2015/04/08/ganieva.html> (date of access: 14.02.2018). (In Russian)